Историко-философский ежегодник
2024. Т. 39. С. 414–423
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2024, vol. 39, pp. 414–423
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2024-39-414-423

В.В. Бровкин. *Греческая философия и политическое развитие античного мира в период раннего эллинизма*

Отв. ред. В.П. Горан. СПб.: Изд-во РХГА, 2023
(Античные исследования). – 324 с.

Для цитирования: Наранович, С.В. Рецензия на книгу *Греческая философия и политическое развитие античного мира в период раннего эллинизма*, В.В. Бровкин. *Историко-философский ежегодник* 39 (2024): 414–423.

For citation: Naranovich, Stanislav V. Review of [*Greek Philosophy and Political Development of the Ancient World in Early Hellenism*], by Vladimir V. Brovkin. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 39 (2024): 414–423. (In Russian)

Поступила в редакцию / Received: 11.08.24
Принята к публикации / Accepted: 17.08.24

Выход любой качественной книги по эллинистической философии в России – добрый знак. Традиционно историки античной философии пренебрегали этой областью, отдавая предпочтение либо классическому периоду, либо позднейшим авторам, чьи тексты, в отличие от большинства эллинистических мыслителей, сохранились. Хотя во второй половине XX в. была проделана большая работа по реконструкции и анализу учений эллинистических школ, в отечественной истории философии эта область по-прежнему проседает, а настоящих специалистов по эллинистической философии наперечет. Поэтому любая

© Наранович С.В., 2024

попытка систематически подступиться к философии эллинизма заслуживает похвалы.

Владимир Бровкин ставит перед собой задачу практически вернановского масштаба – проследить генезис эллинистической философии и обозначить ее основные тенденции, опосредованные социальными и политическими процессами в период раннего эллинизма. На протяжении большей части монографии в центре внимания автора находится следующая коллизия. С одной стороны, старые историки философии, такие как Эдуард Целлер, выделяя среди основных черт эллинистических школ практическую направленность, стремление к бесстрастию, невозмутимости и независимости от внешних обстоятельств, ориентацию на внутреннюю жизнь индивида и отчуждение от общественной жизни, видели истоки этого, как выражается автор, «духовного изоляционизма» в конце эпохи независимых полисов и рождении эллинистических монархий. С другой стороны, мы обладаем многочисленными свидетельствами того, что сами эллинистические мыслители разных направлений были отнюдь не чужды полисной жизни и гражданским ценностям. Как объяснить сосуществование этих двух противоречащих друг другу, на взгляд автора, тенденций?

Ответить на этот вопрос автор берется, заходя с самых разных сторон. Первая глава посвящена политической мысли Аристотеля на заре эллинистической эпохи, вторая – каждой эллинистической школе в отдельности, третья – взаимоотношениям философии с эллинистическими монархиями и полисной жизнью в новых условиях, последняя – упомянутым основным тенденциям эллинистической мысли в свете представленной общественно-политической картины. Однако по большому счету ответ понятен с первых же страниц и заложен уже в самой постановке вопроса: как полагает автор, мы должны отказаться от одностороннего рассмотрения эллинистической философии как результата крушения независимых полисов и вслед за современными историками-эллинистами признать за городами-государствами дальнейшую существенную роль в условиях империи Александра и монархий диадохов. Как заключает автор,

> сосуществование двух тенденций в греческой философии (отчуждение индивида от общества и стремление к политической активности) соответствовало сосуществованию двух политических систем: военно-бюрократических монархий и полисов (с. 290).

Таким образом, перед нами работа, которую сегодня бы назвали мультидисциплинарной, а в прежние времена отнесли к единой Klassische Altertumswissenschaft, поскольку ее автор должен быть не только превосходным знатоком греческой философии для того, чтобы рассуждать о ней в диахронической перспективе, но также быть достаточно компетентным по меньшей мере еще в двух больших самостоятельных областях: политической истории и общественном быте греков. Это означает близкое знакомство с внушительным корпусом текстов на языке оригинала: не только с Платоном, Аристотелем, фрагментами эллинистических философов и текстами связанных с ними последующих авторов римского периода, но также с эллинистической историографией (Полибий, Fragmenta historicorum Graecorum), политическими документами, эпиграфическими памятниками и эллинистической литературой (александрийской поэзией, новой комедией), проливающей не меньший свет на быт и общественные настроения этой эпохи, чем классическая комедия и трагедия – на греческое общество V в. до н.э.

Возможно, автор мог бы сказать, что его интересует гораздо более узкая область. Во введении В. Бровкин пишет, что

> интересующие нас изменения в политической сфере и философии произошли в очень короткий период времени. Это буквально несколько десятилетий в конце IV – начале III в. до н.э. (с. 8).

Действительно ли общие формы философии могут неким образом кардинально преобразиться всего за несколько десятилетий? Оставим этот вопрос за скобками. Для нас сейчас важно, что автор постоянно нарушает заданные собой же хронологические рамки, регулярно обращаясь к школам, которые сформировались задолго до рассматриваемого периода (киники, киренаики), и философам, жившим сильно позже (Хрисипп, Диоген Вавилонский и др.). В этом он признается и сам:

> Прежде всего, обратимся к жизни философов в эпоху эллинизма и посмотрим, насколько пассивными, как принято считать, они были. Так как ранний эллинизм – это очень короткий по времени период, не дающий должного представления о политической деятельности философов, то мы выйдем за рамки этого периода и взглянем на эпоху эллинизма в целом (с. 282).

Если же предметом интереса служит философская жизнь в «эпоху эллинизма в целом», то такого рода исследование предполагает анализ вышеупомянутого очень широкого круга источников. К сожалению, работа В. Бровкина не позволяет понять, насколько автор владеет всем этим материалом. На протяжении всей монографии источники находятся на периферии авторского зрения, теснимые бесконечным потоком исследовательской литературы, выбор которой часто вызывает удивление. Практически в каждой главе автор сначала ставит определенный вопрос, затем продолжительно полемизирует с другими исследователями либо соглашается с ними, иногда подкрепляя свои выводы точечными указаниями на источники.

Приведем пример из введения:

> Теория о том, что эллинистическая философия сформировалась в условиях ослабления полисных идеалов, встречается в работах многих исследователей. К их числу относятся: В. Виндельбанд, М. Поленц, Ф. Коплстон, Б. Рассел, Дж. Реале и Д. Антисери, Дж. М. Брайант, Д. Прайс, В. Тарн, П. Левек, Вл. Татаркевич, С.Н. Трубецкой, О. Танхилевич, А.Н. Чанышев, В.Ф. Асмус, А.С. Богомолов, А.С. Степанова, А.А. Гусейнов, А.А. Столяров, А.Б. Ранович (с. 11–12).

Список напоминает борхесовскую классификацию животных: с профессиональными историками эллинистической философии (в данном случае стоицизма), такими как А.А. Столяров и А.С. Степанова, здесь соседствует Бертран Рассел, чью «Историю западной философии» не рекомендуют читать даже первокурсникам на философских факультетах (по крайней мере в тех ее частях, которые касаются античной философии), В. Виндельбанд с его «Историей древней философии» 1888 г., С.Н. Трубецкой с курсом 1894 г. и автор советского учебника по античной философии В.Ф. Асмус. Сложно сказать, что объ-

единяет всех этих авторов, за исключением того, что большинство из них никогда не занимались эллинистической философией целенаправленно, зато все либо писали на русском, либо переведены на русский язык.

Монография В. Бровкина, впрочем, пестрит ссылками и на западные работы – более того, можно сказать, что она практически целиком выстроена на них – однако, за редкими исключениями, только на англоязычные: ни немецкие, ни французские исследователи автором к сведению не принимаются. Кроме того, раздел источников в библиографии целиком составлен из русских переводов, что заставляет предположить, что автор зависим не только от англоязычной исследовательской литературы, но также от переводов древних текстов.

Своеобразный список из введения мы привели только потому, что упомянутые в нём авторы вместе со многими другими, подчас не менее удивительными, будут возникать на страницах работы вплоть до конца. Типичное рассуждение в книге выстроено следующим образом. Автор задает вопрос:

> В какой степени политическая практика ранних стоиков соответствовала их космополитическому учению? (с. 104)

Дается перечень мнений исследователей («Г. Бетсон полагает, что <…> Ф. Сендбах придерживается мнения <…> По мнению Ф. Сендбаха <…> В. Эренберг также полагает <…> Э. Эрскин полагает <…>»), которые в редких случаях подкрепляются источниками. После этого делается вывод:

> Как мы смогли убедиться, космополитические взгляды не мешали ранним стоикам принимать участие в общественно-политической деятельности (с. 108).

На этих пяти страницах автор не предпринял ни одной попытки самостоятельно проанализировать и проинтерпретировать хотя бы один раннестоический фрагмент. Всё, в чём «мы смогли убедиться», – это что исследователи имели разные мнения по поднятому вопросу, а автор эти мнения подробно изучил.

Для большей убедительности приведем еще один пример, следующий сразу же за предыдущим. Автор пишет:

> Принято считать, что космополитические идеи стоики заимствовали у киников. Давайте взглянем на позицию киников в этом вопросе (с. 108).

Что же, кинический корпус текстов довольно большой, действительно, отчего бы не взглянуть? Тем более автор даже включает «Антологию кинизма» в свою библиографию. Однако тут же происходит подмена:

> Что это этом пишут исследователи? Так, И.М. Нахов отмечает, что <…>

Пересказав чужие рассуждения, автор буквально через абзац констатирует:

> Таким образом, можно говорить о том, что у древних киников космополитизм носит ярко выраженный анархистский характер (с. 109).

Между предложением взглянуть на киников и выводами не было приведено ни одного кинического текста, а единственный специалист, на которого в своей аргументации полностью положился автор, – советский филолог Исай Михайлович Нахов, чьи публикации 1980-х гг. не так просто очистить от марксизма-ленинизма.

По тому же принципу работы с втористочниками, с которыми автор с большим увлечением и азартом спорит или соглашается, развивая чьи-либо идеи, строится большая часть монографии. Тексты самих философов играют здесь сугубо вспомогательную роль, которая состоит в том, чтобы подтвердить либо опровергнуть точку зрения какого-либо исследователя. Конечно, в самом по себе обращении к исследовательской литературе нет ничего плохого – это незаменимая часть любой научной работы. Но если это обращение вместо средства превращается в цель и становится остовом всей работы, ее собственная научная ценность уменьшается пропорционально. На этом фоне издевкой выглядят сетования автора, что почти никто из обсуждаемых им исследователей

> не утруждает себя тем, чтобы обосновать данный тезис [о влиянии гибели независимых полисов на формирование эллини-

> стических школ. – *С.Н.*], привести убедительные доказательства, привлечь широкий круг исторических источников. Это странная ситуация, если не сказать большего (с. 209).

Aliena vitia in oculis habemus, a tergo nostra sunt.

Иногда этот компендиум мнений представляет некоторый интерес, когда речь идет о компетентных авторах, профессионально занимавшихся обсуждаемым вопросом. Иногда вызывает одно лишь недоумение: скажем, при обсуждении Аристотеля в 1 главе первыми вводимыми в повествование исследователями оказываются Бертран Рассел и А.Ф. Лосев – фигуры, безусловно, значительные, но никогда не считавшиеся (в том числе ими самими) аристотелеведами. Тем не менее их мнения разбираются на многих страницах и подробнейшим образом, как будто они представляют живой интерес для современного аристотелеведения и истории эллинистической философии.

В той же главе прибегает автор, впрочем, и к специалистам, в частности к Аристиду Ивановичу Доватуру, которого критикует за предположение, что Аристотель разделял градостроительную политику Александра Македонского, на основании того, что Аристотель нигде не говорит об этом открыто. Отвергнув «слабое» предположение Доватура, автор выносит свое собственное: Аристотель был вдохновителем не Александра, но его ближайшего сподвижника, эллинофила Птолемея I. Отсутствие каких бы то ни было источников, «в которых бы прямо говорилось о каких-либо связях между Аристотелем и Птолемеем I» (с. 66), не мешает В. Бровкину посвятить целый раздел тому, как Птолемей I руководствовался в государственном управлении Египтом политическими и этическими идеями Аристотеля:

> Птолемею I удалось реализовать на практике главную идею Аристотеля о процветающем греческом государстве, в котором граждане ведут созерцательную жизнь (с. 77).

Центральным аргументом в пользу этого служит александрийский Мусейон,

> в котором многочисленные ученые, философы и поэты могли вести полноценную созерцательную жизнь (с. 77).

Очень интересно было бы узнать о «многочисленных философах», которые вели «полноценную созерцательную жизнь» в Мусейоне в рассматриваемый период – примеров таковых автор, увы, не приводит. Подкрепить аристотелизм Птолемея I призваны фразы следующего вида (характерные и для других глав):

> В контексте нашего исследования важно зафиксировать, что Птолемей I, *безусловно*, соответствовал представлениям о добродетельном монархе. *Как мы убедились*, Птолемей I *действительно* превосходил всех своих подданных в добродетели (с. 74–75, курсив мой. – *С.Н.*).

«Действительно» «убедиться» в «добродетели» Птолемея I мы были должны, читая пересказы мнений многочисленных историков.

Предположения, пусть даже слабые, блестящего знатока греческой словесности и эпиграфики Аристида Ивановича Доватура вызывают к себе неподдельный интерес и желание погрузиться в источники с тем, чтобы подтвердить или опровергнуть их при анализе конкретных текстов. Об остроумных гипотезах и добросовестных пересказах В. Бровкина, к сожалению, нельзя сказать того же самого. Упрекая других исследователей в схематизме при рассмотрении эллинистической философии, автор сам плодит новые схемы, в которые пытается уложить отдельных философов или целые направления. Стоики оказываются носителями двух «взаимоисключающих тенденций», между которыми «имелось непреодолимое противоречие»: «радикально-космополитической» и «охранительно-консервативной» (с. 114). Делаются такого рода обобщения с неясной познавательной ценностью по большей части на основе пересказа чужих исследований, а не анализа фрагментов ранних стоиков.

Автор с готовностью воспроизводит штампы прежних историков философии, которых в иных случаях за эти же штампы критикует. Скажем, киники у него выходят крайними индивидуалистами:

> Как мы показали во второй главе, тенденция к отчуждению индивида от общества в период раннего эллинизма проявилась

> в философии академиков, перипатетиков и киников. Впрочем, проявилась она по-разному. В философии киников, несмотря на смягчение морально-этического ригоризма, данная тенденция сохранила свое доминирующее положение (с. 180).

Эту точку зрения можно было бы легко опровергнуть, обратившись к многочисленным анекдотам о Диогене Синопском, который всегда изображается в гуще толпы, в споре с философами, в разговоре с молодыми людьми и согражданами, почтившими Диогена надгробным памятником и эпитафией за его наставления и заботу о других.

То же самое можно сказать о многих других скоропалительных обобщениях, которыми переполнена книга. Так, снижение «вовлеченности индивида в политическую жизнь», на взгляд автора, привело к тому, что

> связывать счастье с благополучием сограждан, с полисом, в условиях сильной зависимости этого полиса от воли монарха, основателям Стои, эпикуреизма и скептицизма, видимо, представлялось ненадежным. Счастливая жизнь нуждалась в прочном фундаменте. Зависимость греческих городов-государств от воли эллинистических правителей не позволяла Эпикуру, Зенону Китийскому и Пиррону рассматривать полис в качестве этого основания (с. 179).

Это стройное на первый взгляд рассуждение на поверку составлено из голых схем, не привязанных ни к каким конкретным источникам, на основе которых мы могли бы увидеть, почему вообще упомянутые философы должны были «разочароваться» в полисе в качестве основания счастливой жизни, для всех ли он был таковым основанием, какие есть свидетельства, что все эти философы действительно видели вокруг себя описываемый автором политический кризис, и так далее. Такого рода схематизмом, к сожалению, грешит вся монография.

Работа В. Бровкина будет полезна всякому, кто берется за изучение эллинистической философии и истории, благодаря тому, что в ней собраны сведения, суммирующие множество исследований по этим темам. Помимо этого, затрагиваемые автором вопросы о влиянии новых форм политического

и общественного устройства на философский образ жизни действительно чрезвычайно интересны и в каком-то смысле являются передним краем сегодняшней истории античной философии, исследование которого оказывается очень непростым, трудоемким и требующим гораздо больше усилий, чем были вложены в настоящую монографию.

С.В. Наранович

РГГУ
125047, ул. Чаянова, д. 15, корп. 7, г. Москва, Россия
snaranovich@gmail.com